

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 347.1

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-88-97

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

DOCTRINE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW

Ю.В. Брисов**Y.V. Brisov**

Российский государственный университет правосудия,
Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69

Russian State University of Justice,
69 Novocheremushinskaya St, Moscow, 117418, Russia

E-mail: ceo@lfcs.pro

Аннотация

Отсылки к добросовестности содержатся в большом количестве статей Гражданского кодекса Российской Федерации и специальных законах. Однако из анализа положений гражданского законодательства и правоприменительной практики следует вывод о том, что в каждом отдельном случае термин «добросовестность» следует понимать по-разному. Для того, чтобы разобраться в специфике и множественности проявлений добросовестности, следует изучить ее в историческом развитии и сравнительно-правовом контексте. Изучение добросовестности в динамике позволяет выработать адекватные способы правоприменения добросовестности как системы.

Abstract

The doctrine of good faith is widely spread in Russian Civil Code and other legislative acts of Russian private law. However, a thorough analysis of Russian Civil law shows that good faith is understood and usually applied differently in many different cases. This research shows that doctrines like estoppel in its many forms (*venire contra factum proprium*); clean hands doctrine (*ex dolo malo non oritur action*), utmost good faith (*uberrima fides*) and so on are usually confused with good faith. Civil law also implies precontractual duty of good faith, however it is still staying unclear whether this form of duty is closer to the German concept of *culpa in contrahendo* or agreement to negotiate as oppose to agreement to agree in the US law. To understand the duty of good faith in all its multiple legal substances this article follows the evolution of good faith doctrine from the roman legal maxims through its development in both Civil law and Common law legal systems. Further the author compares the provisions of Russian Civil law with the existing legal doctrines of Good faith in the UK, the USA, Germany, Italy, France, Switzerland. The aim is to distinguish these doctrines whether they are being applied in Russian Civil law already, or some of the doctrines should only find their way to Russian legislation in the future, some may further be modified. The article also gives an overview of the related doctrines such as reasonableness and equity that are usually being mixed or included within the doctrine of Good faith in Russian Civil law.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, справедливость, эстоппель, наивысшая добросовестность, преддоговорная ответственность, недобросовестность.

Keywords: good faith, reasonableness, equity, estoppel, utmost good faith, precontractual liability, unconscionability.

Введение

Первая статья Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) посвящена основным началам гражданского законодательства, в числе которых прямо названы следующие: неприкосновенность собственности, принцип равенства, автономии воли, свободы вступать в договорные отношения, права на судебную защиту¹. Далее данная статья содержит отсылку на то, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей, то есть в рамках гражданских правоотношений, участники правоотношений должны действовать добросовестно. Следующая часть статьи содержит аналогичное предписание, однако формирует его несколько иначе: «Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Ряд других статей Гражданского кодекса прямо, например, статьи 234, 302 ГК РФ или имплицитно, например, статьи 166, 431 ГК РФ ссылаются на стандарты добросовестности или доктрины, реализующиеся через институты, схожие с доброй совестью. Такое многообразие наполнение норм гражданского законодательства положениями о доброй совести объясняется тем, что ряд норм были, очевидно, сформулированы под влиянием континентальных доктрин, ряд других норм получил влияние системы общего права и *Lex mercatoria*.

Следует рассмотреть развитие доктрины доброй совести в континентальную и англосаксонскую систему. Наиболее важным кажется проанализировать конкуренцию договорной доктрины *bona fides* и сопоставимых доктрин права справедливости (*equity*). Подобное комплексное решение не проводилось российскими учеными. Сформировалась представление о том, что добросовестность отсутствует в системе общего права, а следовательно, влияние общего права на закрепление положений о доброй совести в современном российском гражданском законодательстве может быть недооценено. Данная проблема требует фундаментального исследования, основные направления которого указывает данная работа.

Основная часть

Постараемся разобраться в той особой роли, которую гражданское право отводит добросовестности, рассмотрев раскрытие этой доктрины в положениях гражданского законодательства, исследованиях российских и иностранных ученых, правоприменительной практике.

Упоминание о добросовестности открыто или имплицитно содержится в 35 статьях ГК РФ. При этом ряд статей устанавливают границы действия для участников гражданских правоотношений. В них требование добросовестности носит скорее объективный характер, так как распространяется на всех участников гражданских правоотношений². Немецкой доктрине гражданского права такое проявление добросовестности, или скорее недобросовестности, известно, как «шикана» [Покровский 2001, с. 125]. Шикана разделяет поведение на очевидно «добросовестное» и «недобросовестное», выполняя демаркационную функцию. Данное применение добросовестности позволяет избежать противоречия между довольно «абстрактной отсылкой к добросовестности» [Кулаков 2016, с. 57] в ст. 1 ГК РФ и «достаточно четким определением состава соответствующего правонарушения – умышленного злоупотребления правом» [Кулаков 2016, с. 57] в ст. 10 ГК РФ.

Ряд статей, также содержащих отсылку к добросовестности, вводят специальный состав, требующий специального пояснения, как например, ст. 234 ГК РФ, которая ис-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 26.01.1996 №51-ФЗ в ред. от 03.08.2018. Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «Консультант Плюс». Консультант Плюс. Дата обращения 28 января, 2019. <http://www.consultant.ru>

² Перечень позиций высших судов к ст. 10 ГК РФ

пользует понятие «добросовестный давностный приобретатель». Участники таких правоотношений должны выполнить ряд активных действий или воздержаться от таковых. Здесь выражается конкретное требование к исполнению обязательств по составу участников правоотношений [Агарков, 1940, с. 60].

Некоторые статьи не содержат прямой отсылки к добросовестности, имплицитное содержание которой в норме раскрывается в разъяснениях Высших судебных инстанций¹ и анализа судебной практики² с отсылкой к принципам международного права³ и доктрине гражданского права [Bradley 2008, с. 213].

Содержание статей 302 ГК РФ и 454 ГК РФ раскрывается через установление баланса⁴ между доктринами «Caveat Emptor» [Hamilton 1931, с. 1164] и «Добросовестный приобретатель» [Будылин 2017, с. 87], что также требует актуализации этих доктрин исследователями права и судебной практикой.

Для правильного понимания добросовестности в статьях 434.1 ГК РФ и 993 ГК РФ также необходимо раскрытие через вспомогательную доктрину должной осмотрительности⁵ или *due diligence* [Янковский 2017, с. 24].

Стандарт добросовестности, применяемый в статье 930 ГК РФ, в англо-саксонской традиции определяется как наивысший [*uberrimae fidei*]: «...страхователь должен сообщить [даже если страховщик не задает конкретных вопросов] все известные ему факты, которые могут повлиять на принятие разумным страховщиком решения о размере премии и принятии риска. Возникает вопрос, обязан ли каждый директор сообщать об известных ему фактах при заключении договора» [Голева 2015, с. 81]. Очевидно, что подобный стандарт добросовестности должен отличаться от описанного выше общего стандарта добросовестности или стандарта, существующего между покупателем и продавцом, арендатором и арендодателем. Однако ни в законе, ни в Пленумах ВАС и ВС подобное уточнение не делается⁶.

Также, на наш взгляд, принцип наивысшего доверия (*uberrimae fidei*) сторон по любому договору не имеет ничего общего с личностно-доверительными (фидуциарными) обязательствами» [Белых 2017, с. 102]. Для определения соответствия требованию к добросовестному осуществлению прав на использование объектов интеллектуальной собственности в статьях 1466, 1538 ГК РФ предполагается проведение профильной экспертизы⁷, аналогичную позицию мы можем найти при отсылке к иностранным законодательствам⁸ и судебной практике⁹, установившим «тест» на добросовестное использование объектов интеллектуальных прав.

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25

² О свободе договора и ее пределах: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16

³ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год)

⁴ По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 305-КГ16-10399 по делу № А40-71125/2015, Постановления ФАС ЦО от 24.04.2012 № А08-1426/2011, от 24.12.2012 № А08-352/2012, Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.11.2004 № 85

⁶ О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 20

⁷ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14

⁸ The Anticybersquatting Consumer Protection Act. Accessed August 5, 1999. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CRPT-106srpt140/html/CRPT-106srpt140.htm>

⁹ Virtual Works, Inc. v Volkswagen of America, Inc. <http://michaelrisch.com/tiki/Virtual+Works,+Inc.+v+Volkswagen+of+America,+Inc.>

Таким образом, перед исследователем проблемы добросовестности встает массив отсылок к доктрине Германии, Франции, Англии, США. Выстроить весь этот объем различных степеней добросовестности в четкую иерархию от наименьшего к наибольшему проявлению представляется достаточно сложной задачей. В связи с этим скорее следует говорить о различных аспектах проявления добросовестности в гражданских правоотношениях, рассматривая добросовестность не как принцип, а как совокупность различных доктрин (специальных проявлений добросовестности), которые развивались на протяжении сотен лет в различных правовых порядках, имеют различные определения, могут вовсе не быть связаны этимологически со словом «добросовестность» в своем языке, однако по своей сути опираться на добрую совесть.

Добросовестность настолько не чужда человеческой природе, близка ей и логична для восприятия общественным сознанием, что ее различные проявления можно найти в древнейших правовых системах человечества, например, законах Торы, квиригском праве Рима. Последний пример являет собой бесценное поле для анализа, поскольку уровень правовой сознательности древних римлян до сих пор можно считать эталонным [Дождев 2018, с. 11].

Именно в общественные отношения Древнего Рима можно и нужно заглянуть настолько пристально, насколько возможно, потому что практически вся Континентальная Европа восприняла в своем развитии идеи римского права [Zimmermann 2000, р. 88]. Заглянуть в самые истоки принципов римского общества – значит понять философию права внушительной части цивилизованного мира, к которому принадлежит и наше государство. Именно право Древнего Рима стало первым примером взаимосвязанной системы норм, которые ставили своей целью достижение относительной справедливости среди всех участников общественных отношений [Zimmermann 2000, с. 65].

В классическую эпоху идею доброй совести развивали Помпоний (живший во II веке н.э.) и Ульпиан (период жизни 170–228 г. н.э.). Стандартная сделка купли-продажи могла быть совершена по факту передачи вещи покупателю и без уплаты им цены в то же самое время. Основанием произведенной передачи могло стать доверие, оказываемое контрагенту, в том, что последний исполнит свою меру обязательств позже [Кофанов 2003, с. 569], сегодня мы бы сказали – исполнит обязательство добросовестно [ст. 307 ГК РФ]. Ульпиан также утверждает, что в римском обществе оказываемое партнеру доверие без вмешательства поручителей считалось обыкновенной практикой [Кофанов 2003, с. 571].

Европейский континент XIV века на основе единой христианской культурной парадигмы развивался в своем многообразии национальных правовых систем относительно однородно [Stein 1999, р. 74]. Средневековый мыслитель Фома Аквинский предложил разделять правовую природу договоров на «акты щедрости и благородства» и «коммутативные соглашения». По первым актам лица могли делать пожертвования, дарить подарки, безвозмездно передавать какие-либо материальные объекты своим партнерам. Второй вид договоров предполагал определенную равномерность производимого обмена: оба контрагента действовали в едином ключе взаимной выгоды, что соответствовало интересам обоих и, несомненно, было выгодно всем лицам [Gordley, 1991].

По мнению другого средневекового исследователя права – Бальда, истинный коммутативный договор не мог привести к обогащению одного человека и обнищанию другого – нарушалась сама суть коммутативности, а значит договор был противоправным [Gordley 1991, р. 112]. Принципы христианской морали, составлявшей основу континентального церковного (канонического) права, особенно настойчиво имплементировались в английское общее право в период правления короля Генриха II (годы жизни: 1133–1189) [O'Connor, 1990, р. 2]. В рассмотрение дел и их исход вмешивались нормы христианской веры [Barbour, 1914, р. 158].

Конфликт между принципами общего права и права, вводимого судом Лорда-канцлера, права справедливости, становился все более выраженным. В хрестоматийном деле XIV в. *Le Walays v. Melsamby* судья Берефорд, председательствовавший на процессе,

был поправлен адвокатом, который напомнил судье, что по нормам общего права у буквы закона есть примат над совестью [Baker, 2005, p. 123].

Объединение двух прецедентных систем (общего права и канцлерского права справедливости), существовавших веками, хоть и искусственное, было произведено во время мероприятий 1873–1875 годов, направленных на реформирование судебного процесса. Приоритет при наличии двух аналогичных прецедентов остался за правом справедливости как системой норм, наиболее приближенной к естественно-правовой концепции и общечеловеческим принципам честности, ответственности и разумности.

Инструменты судов справедливости, такие как эстоппель (запрет противоречивого поведения) или «Clean hands doctrine» (ссылаться на несправедливость может только сторона, действовавшая добросовестно), *reasonable man standard* (средний, разумный представитель общества), реализовывали в комплексе то, что на континенте называлось и называется добросовестностью, при этом напрямую английские судьи отрицают презумпцию добросовестности (*good faith*) в английском праве [Брисов 2016, с. 180].

В отличие от Великобритании в Соединенных Штатах Америки нормотворчество во многом более развито, что объясняется различием прецедентного права на уровне отдельных штатов и потребностью в унификации права на федеральном уровне, соответственно добросовестность имеет распространение на всей территории США. [Брисов 2017, с. 48]. Принцип добросовестности в правовой системе США является смыслообразующим фундаментом в трудовых отношениях. Обязанность вступать в трудовые отношения с сотрудниками на принципах порядочности, доброй воли и прозрачности декларируется как прямое руководство к действию для любого должностного лица, представляющего государственный орган¹.

Еще одним источником права, который последовательно проводит идею доброй воли, является Единообразный торговый Кодекс (ЕТК) США. Данный документ содержит большое количество отсылок к доброй совести («*good faith*», «*fair dealing*», «*reasonably fair*») [Farnsworth 1963, с. 671]. Поскольку ЕТК (UCC) был принят во всех 50 штатах США, можно говорить, что добросовестность является одним из начал и американского частного права.

Однако, если говорить об институте преддоговорной ответственности (ст. 434.1 ГК РФ) или ответственности после прекращения обязательств (ст. 307 ГК РФ), такие формы ответственности допускаются американским правом очень ограниченно по сравнению с современным российским правом.

Западная Европа также является в некотором роде антиподом англосаксонской системы права в рассмотрении добросовестности в практическом срезе. Бесспорно, прослеживается значительная роль государственно-властного аппарата, который осуществляет контроль (*policing*) над содержанием контрактов. Тенденция защищать максимальную свободу договора должна быть сильна в Великобритании, чтобы законодателю было позволено так значительно вмешиваться в деловой оборот, как это делается, например, в Германии. Параграф 157 Германского гражданского уложения (ГГУ) декларирует, что толкование договоров производится сторонами с позиций здоровой логики и доброй воли (*guter Glaube*). Параграф 242 Закона признает только такую реализацию соглашения, которая произведена в соответствии (непротиворечии) с общественным порядком, деловыми традициями, честностью и порядочностью сторон (*Treu und Glauben*). Ответственность, возлагаемая на лица в рамках этих параграфов, включает в себя подход к своим обязательствам с позиции должной заботливости и попечения [Шапп 1996]. Несложно заметить, что категории добрых нравов и доброй воли (соответственно *gute Sitten* и *guter*

¹ U.S. Code Government organization and employees. Accessed September 06, 1966. <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/USCODE-2015-title5/pdf/USCODE-2015-title5-partIII-subpartFchap71-subchapII-sec7117.pdf>

Glaube) относятся к личностной характеристике лица, являются составными элементами его мировоззрения и ощущения себя в социуме.

Немецкие правоведы раскрывают содержание термина *Guter Glaube* с двух позиций:

- 1) знание лица о правомерности своих действий, приходящее от сопоставления своих поступков и мотивов с законодательными предписаниями и общественными нормами;
- 2) извинительное незнание лица об обстоятельствах, делающих сделку незаконной и бросающих тень на его доброе имя [Цвайгерт 2000]. Решение Имперского суда (Reichsgericht) 1923 г. пояснило, что добросовестность (§ 242 ГГУ) имеет преемственное положение над специальным законом [Нам, 2019].

Во Франции добросовестность укоренилась как устойчивая форма социально приемлемого поведения благодаря трудам теоретиков-правоведов, проводников идей естественно-научной школы юриспруденции: Жана Дома (1625–1696) [Domat, 1776] и Робера Потье (1699–1772) [Pothier, 1818]. Как категория, произошедшая из римского права, добросовестность оказалась устойчивой идеей даже при ее испытании логикой естественного права. У каждого человека от рождения есть неотъемлемые потребности и права, реализация которых может удовлетворить эти потребности. При таком взгляде добросовестность представляется практичной категорией, которая помогает договорам поддерживать необходимую морально-нравственную планку. Во французской правовой науке положение о добросовестности считается общей оговоркой, которая не предполагает различий в статусе лиц, стиле и цели соглашения для ее применения [Beale, 2002].

Добросовестное ведение деловой деятельности также принято в Швейцарии¹ и Италии². Являясь частью единого евроинтегрированного пространства, Франция и Германия участвуют в разработке единого Европейского гражданского кодекса, который базируется на Принципах договорного права Европы³.

Ряд государств общей системы права сопротивляется универсальности *bona fides* отчасти потому, что в этих странах добросовестность в ее специальных проявлениях имеет аналогичные инструменты из права справедливости. Однако именно универсальность добросовестности, по мнению ряда западноевропейских ученых, является неотъемлемой ее частью – это ее универсальность [Meuer 1994]. Ценность добросовестности есть словесное выражение идеала цивилизованности стран и их населения [Cheng 1987].

Отголоски *bona fides* прослеживаются также в акте, предшествовавшем Своду законов, а именно – проекту Гражданского Уложения⁴ (годы разработки 1809–1814). Добросовестность индивида утверждалась через отрицание его осведомленности [Шершеневич 1995]. В то же время ряд русских правоведов считали, что более весомым подтверждением наличия у лица добросовестности является поведение человека, который высоко ценит добрые нравы [Мейер 2000]. Нормы, существовавшие в императорской России, содержали достаточно мягкий подход. По данной причине положения о добросовестности подвергались справедливой критике современников [Покровский 2001].

В российской науке гражданского права на сегодняшний день нет единого взгляда на то, чем является добросовестность. Так, добросовестность рассматривается как принцип [Кулаков, 2015], презумпция [Суханов, 2017], категория [Иванов, 2017], оценочная категория [Ряпина, 2014], принцип и оценочная категория одновременно [Витрянский, 2016], требование [Мазур, 2016]. Ряд исследователей небезосновательно отмечают схожесть и близость в понятиях «разумность» и «добросовестность» применительно к гражданскому праву [Кулаков, 2016] или подчеркивают оценочность в применении обоих понятий [Шиткина, 2015]. Некоторые ученые разделяют добросовестность на объективную и

¹ Ст. 2 Швейцарского гражданского уложения.

² Ст. 1337, 1366 и 1375 Итальянского гражданского Кодекса.

³ Принципы Европейского договорного права 2002. <http://www.internationalcontracts.net/international-law-documents/Principles-of-European-Contract-Law.pdf>

⁴ Проект Гражданского уложения Российской империи. СПб., 1814.

субъективную [Новицкий, 2006], не объединяя эти явления в общее понятие, другие – не ставят задачу выявления общих признаков, а разбирают случаи применения по отдельности [Юмашев, 2015] или рассматривают добросовестность как требования, определенные родовым признаком по субъектному составу правоотношения [Белов, 2015].

В.П. Грибанов в своих теоретических рассуждениях считает, что принцип по своему значению «поглощает» требование, так как наделен со стороны государства обязательностью, которая в крайних случаях гарантируется государственно-властным принуждением [Грибанов 2001].

Если оценивать добросовестность в соответствии с линейным течением времени, то лицу следует и приобретать права в соответствии с началами доброй совести (избегая обмана, принуждения, укрывательства фактов, подлога), и реализовывать их, и защищать в рамках предусмотренных законом способов (в области гражданских прав – в соответствии со ст. 12 ГК РФ), и прекращать свои правомочия, законно передавая их другому лицу, или путем соблюдения предусмотренных процедур выходить из правоотношений [Белов, 1998].

Заключение

Таким образом, в силу специфики параллельного развития добросовестности в разных системах права и взаимопроникновения различных институтов права между системами права, добросовестность, содержащаяся в институте эстоппель, традиционном институте английского права справедливости (*equity law*), может проникнуть на континент, следовательно континентальные правоведы, изучая новый институт, должны будут отдельно изучать входящий в него элемент добросовестности с учетом специфики англо-американского права, прибегая к попыткам адаптации наполняющей этот институт добросовестности к реалиям континентального права. Или, наоборот, англо-саксонские правоведы должны адаптировать немецкое представление о *Treu und Glaube*, исследуя институт *Culpa in contrahendo* в традициях англо-американского договорного права (*contract law*).

Добросовестность – явление многоаспектное, поэтому работа исследователей права, изучающих различные проявления добросовестности, осуществляющих попытки классифицировать и упорядочить ее разнообразные проявления так важны для современного российского гражданского права.

Список литературы

1. Агарков М.М. 1940. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., Юридическое издательство НКЮ СССР, 192 с.
2. Белов В.А. 1998. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права. Законодательство, 8: 49–52.
3. Белов В.А. 2015. Кодекс европейского договорного права – *European Contract Code*: общий и сравнительно-правовой комментарий: в 2 кн. М., Юрайт, 312 с.
4. Белых В.С. 2017. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование М., Проспект, 208 с.
5. Брисов Ю.В. 2017. Реализация принципа добросовестности в гражданском праве. М., Директ-Медиа, 182 с.
6. Брисов Ю.В. 2016. Реализация принципа добросовестности в странах обычного права. Образование и право, 7: 180–183.
7. Будылин С.Л. 2017. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М., Инфотропик Медиа, 160 с.
8. Витрянский В.В. 2016. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., Статут, 431 с.
9. Голева Е.В. 2015. Договор страхования ответственности директоров и менеджеров хозяйственных обществ в праве Англии и России: сравнительный анализ. М., Проспект, 297 с.
10. Грибанов В.П. 2001. Осуществление и защита гражданских прав. М., Статут, 411 с.
11. Дождев Д.В. 2018. Римское частное право. М., Норма, 784 с.

12. Иванов А.А. 2017. Проблемы публичного права России: взгляд со стороны. Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2: 46–59.
13. Кофанов Л.Л. 2003. Дигесты Юстиниана [перевод с латинского]. Т. III. М., Статут, 780 с.
14. Кулаков В.В. 2015. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России. М., РГУП, 144 с.
15. Кулаков В.В. 2016. Обязательственное право. М., РГУП, 144 с.
16. Нам К.В. 2019. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М., Статут, 278 с.
17. Мазур О.В. 2016. Немотивированный отказ от договора в контексте требования о добросовестности. Вестник Арбитражного суда Московского округа, 3: 35–44.
18. Мейер Д.И. 2000. Русское гражданское право. М., Статут, 831 с.
19. Покровский И.А. 2001. Основные проблемы гражданского права. М., Статут, 354 с.
20. Рясина А.С. 2014. Понятие и сущность оценочных категорий в российском праве. Современное общество и власть, 2: 40–45.
21. Суханов Е.А. 2017. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., Статут, 560 с.
22. Цвайгерт К., Кетц Х. 2000. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. II. М., Международные отношения, 480 с.
23. Шапп Я. 1996. Основы гражданского права Германии. М., БЕК, 283 р.
24. Шершеневич Г.Ф. 1995. Учебник русского гражданского права. М., СПАРК, 556 с.
25. Шиткина И.С. 2015. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях. Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес», 2: 2–26.
26. Юмашев Н.С., Юмашев А.Н., Солопов Н.С. 2015. О принципе добросовестности, обходе закона и запрете злоупотребления правом в нормах гражданского и уголовно-процессуального законодательства. Российский следователь, 15: 34–40.
27. Янковский Р.М. 2017. Организационно-правовые формы венчурного инвестирования [часть 3]: проблема организационно-правовой формы проектной компании. Право и экономика, 9: 22–29.
28. Baker J. 2005. An Introduction to English Legal History. Oxford, Oxford University press, 704 p.
29. Barbour W.T. 1914. The History of Contract in Early English Equity. Oxford, At The Clarendon Press, 237 p.
30. Beale H. 2002. Cases, materials and Text on contract law. Oxford, Hart Publishing. 509 p.
31. Bradley L.D. 2008. Contra Applicantem or Contra Proferentem Applicatio: The need for Clarification of the Doctrine of Contra Proferentem in the Context of Insured-Created Ambiguities in Insurance Application. Brigham Young University Law Review, 1: 211–225.
32. Brisov Y.V. 2018. How the courts exorcize demons from the legal body or a new standard for a bona fide purchaser in Russia. Scientific achievements of the third millennium Collection of scientific papers on materials VIII International Scientific Conference, Los Angeles, 8: 48–53.
33. Cheng B. 1987. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: https://www.trans-lex.org/101100/_cheng-bin-general-principles-of-law-as-applied-by-international-courts-and-tribunals-reprinted-cambridge-1987/ (accessed 28 January 2019).
34. Domat J. 1776. Les lois civiles dans leur ordre naturel. Paris: Chez LE CLERC. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3103451/f10.image> (accessed 28 January 2019).
35. Farnsworth A.E. 1963. Good Faith Performance and Commercial Reasonableness Under the Uniform Commercial Code. University of Chicago Law Review, 30: 666–679.
36. Gordley J. 1991. The Philosophical Origins of Modern Contract Doctrine. New York: Oxford University Press, 272 p.
37. Hamilton W.H. 1931. The Ancient Maxim Caveat Emptor. Yale Law Journal, 8: 1133–1187.
38. Meyer R. 1994. Bona fides und lex mercatoria in der europäischen Rechtstradition. Göttingen: Wallstein, 168 p.
39. O'Connor J.F. 1990. Good Faith in English Law. Dartmouth.London: Dartmouth Pub Co, 148 p.
40. Pothier R.J. 1818. Pandectae Justinianae in novum ordinem digestae. Paris: Apud Lefevre Bibliopolam. Vol. 3, 695 p.

41. Stein P. 1999. Roman Law in European History. Cambridge: Cambridge University Press. 148 p.
42. Zimmermann R., Whittaker S. 2000. Good Faith in European Contract Law. Cambridge. Cambridge University Press, 756 p.

References

1. Agarkov M.M. 1940. Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligations in Russian civil law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 192 p.
2. Belov V.A. 1998. Dobrosovestnost', razumnost', spravedlivost' kak printsipy grazhdanskogo prava [Good faith, Reasonableness, Fairness as the civil law principals]. *Zakonodatel'stvo*, 8: 49–52.
3. Belov, V.A. 2015. Kodeks evropeyskogo dogovornogo prava – European Contract Code: obshchiy i sravnitel'no-pravovoy kommentariy. In 2 vol. [European Contract Code: general and comparative legal commentary] Moscow: Yurayt, 312 p.
4. Belykh V.S. 2017. Dogovornoe pravo Anglii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Contract law of England comparative legal research]. Moscow, Prospekt, 208 p.
5. Brisov Y.V. 2017. Realizatsiya printsiipa dobrosovestnosti v grazhdanskom prave [Development of the princioal of Good faith in civil law]. Moscow, Direkt-Media, 182 p.
6. Brisov Y.V. 2016. Realizatsiya printsiipa dobrosovestnosti v stranakh obychnogo prava [Development of the principal of Good faith in Common law countries]. Moscow, Obrazovanie i pravo (7): 180–183.
7. Budylin, S.L. 2017. Zavereniya i garantii. Komparativnoe issledovanie [Warranties and Representations. Comparative legal research]. Moscow, Infotropik Media, 160 p.
8. Vitryanskiy V.V. 2016. Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi [Russian civil law legislative reform. Preliminary results]. Moscow, Statut, 431 c.
9. Goleva E.V. 2015. Dogovor strakhovaniya otvetstvennosti direktorov i menedzherov khozyaystvennykh obshchestv v prave Anglii i Rossii: sravnitel'nyy analiz [Directors' and managers' liability insurance contract in English and Russian law: comparative analysis]. Moscow, Prospekt, 297 p.
10. Gribanov V.P. 2001. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav [Apprehension and protection of civil rights]. Moscow, Statut, 411 p.
11. Dozhdev D.V. 2018. Rimskoe chastnoe parvo [Roman private law]. Moscow, Norma, 784 p.
12. Ivanov A.A. 2017. Problemy publichnogo prava Rossii: vzglyad so storony [Problems of the Russian public law: the observation from the outside]. *Herald of the Economic Justice of the Russian Federation*. 2: 46–59.
13. Kofanov L.L. 2003. Digesty Yustiniana [The Digest of Justinian. Translation from Latin]. Vol. III. Moscow, Statut, 780 c.
14. Kulakov V.V. 2015. Prekrashchenie obyazatel'stv po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossii [Termination of obligations in the Russian civil law]. Moscow, RGUP, 144 p.
15. Kulakov V.V. 2016. Obyazatel'stvennoe pravo. [The law of obligations]. Moscow: RGUP, 144 p.
16. Nam K.V. 2019. Princip dobrosovestnosti: rzvitie, Sistema, problemy teorii i praktiki [The principal of good faith: development, system, practical and theoretical issues]. Moscow, Statut, 278 p.
17. Mazur O.V. 2016. Nemotivirovanny otkaz ot dogovora v kontekste trebovaniya o dobrosovestnosti [Anticipatory repudiation in context of the requirement of Good faith]. *Herald of the Russian Commercial Court of Moscow region*, 3: 35–44.
18. Meyer D.I. 2000. Russkoe grazhdanskoe parvo [Russian civil law]. Moscow, Statut, 831 p.
19. Pokrovskii I.A. 2001. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The essential issues of Civil law]. Moscow, Statut, 354 p.
20. Ryasina A.S. 2014. Ponyatie i sushchnost' otsenochnykh kategoriy v rossiyskom prave. [The terms and context of virtuous categories in the Russian law]. *Sovremennoie obschestvo I vlast'*, 2: 40–45.
21. Sukhanov E.A. 2017. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyy ocherk [Property law: scientific and educational report]. Moscow, Statut, 560 p.
22. Tsvaygert K., Ketts K. 2000. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava [Introduction to comparative law in private law]. V. II. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations], 480 p.
23. Shapp Y. 1996. Osnovy grazhdanskogo prava Germanii [The essential issues of German civil law]. Moscow, BEK, 283 p.

24. Shershenevich G.F. 1995. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Russian civil law study book]. Moscow, SPARK, 556 p.
25. Shitkina I.S. 2015. Imushchestvennaya otvetstvennost' v korporativnykh pravootnosheniyakh. [Civil liability in corporate relations]. Moscow: Business law. Pravo I Biznes, 2: 2–26.
26. Yumashev N.S., Yumashev A.N., Solopov N.S. 2015. O printsipe dobrosovestnosti, obkhode zakona i zaprete zloupotrebleniya pravom v normakh grazhdanskogo i ugovorno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [The principal of Good faith, misappropriation of law, and abuse of rights in the Codes of civil and criminal procedures]. Rossiyskiy sledovatel', 15: 34–40.
27. Yankovskiy R.M. 2017. Organizatsionno-pravovye formy venchurnogo investirovaniya [chast' 3]: problema organizatsionno-pravovoy formy proektnoy kompanii [Legal Forms of Venture Investment (part 3): Startups]. Pravo i ekonomika, (9): 22–29.
28. Baker J. 2005. An Introduction to English Legal History. Oxford, Oxford University press, 704 p.
29. Barbour W.T. 1914. The History of Contract in Early English Equity. Oxford, At The Clarendon Press, 237 p.
30. Beale H. 2002. Cases, materials and Text on contract law. Oxford, Hart Publishing. 509 p.
31. Bradley L.D. 2008. Contra Applicantem or Contra Proferentem Applicatio: The need for Clarification of the Doctrine of Contra Proferentem in the Context of Insured-Created Ambiguities in Insurance Application. Brigham Young University Law Review, 1: 211–225.
32. Brisov Y.V. 2018. How the courts exorcize demons from the legal body or a new standard for a bona fide purchaser in Russia. Scientific achievements of the third millennium Collection of scientific papers on materials VIII International Scientific Conference, Los Angeles, 8: 48–53.
33. Cheng B. 1987. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: https://www.trans-lex.org/101100/_cheng-bin-general-principles-of-law-as-applied-by-international-courts-and-tribunals-reprinted-cambridge-1987/ (accessed 28 January 2019).
34. Domat J. 1776. Les lois civiles dans leur ordre naturel. Paris: Chez LE CLERC. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3103451/f10.image> (accessed 28 January 2019).
35. Farnsworth A.E. 1963. Good Faith Performance and Commercial Reasonableness Under the Uniform Commercial Code. University of Chicago Law Review, 30: 666–679.
36. Gordley J. 1991. The Philosophical Origins of Modern Contract Doctrine. New York: Oxford University Press, 272 p.
37. Hamilton W.H. 1931. The Ancient Maxim Caveat Emptor. Yale Law Journal, 8: 1133–1187.
38. Meyer R. 1994. Bona fides und lex mercatoria in der europaischen Rechtstradition. Göttingen: Wallstein, 168 p.
39. O'Connor J.F. 1990. Good Faith in English Law. Dartmouth.London: Dartmouth Pub Co, 148 p.
40. Pothier R.J. 1818. Pandectae Justinianae in novum ordinem digestae. Paris: Apud Lefevre Bibliopolam. Vol. 3, 695 p.
41. Stein P. 1999. Roman Law in European History. Cambridge: Cambridge University Press. 148 p.
42. Zimmermann R., Whittaker S. 2000. Good Faith in European Contract Law. Cambridge. Cambridge University Press, 756 p.

Ссылка для цитирования статьи

For citation

Брисов Ю.В. 2020. Добросовестность в гражданском праве. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 45 (1): 88–97. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-88-97

Brisov Y.V. 2020. Doctrine of good faith in civil law. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 88–97. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-88-97